

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев Чемоданов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785995

Аннотация

«Многие не без основания полагают, что трагический Рок существует только для царей и героев, обыкновенные же маленькие люди находятся вне кругозора трагического Рока, не замечаются им и ни в каком отношении на счет не ставятся. Однако Егор Егорович Чемоданов не был ни царем, ни героем, а вместе с тем над самим Эдипом не работал Рок с таким упорством и яростью, как над его жизнью. Можно думать, что на эти тридцать лет, пока продолжалась жизнь Чемоданова, Рок бросил все другие свои занятия – так много времени, хлопот и неусыпного внимания посвятил он своему странному избраннику...»

Содержание

1
2

4
12

Леонид Николаевич Андреев Чемоданов

1

Многие не без основания полагают, что трагический Рок существует только для царей и героев, обыкновенные же маленькие люди находятся вне кругозора трагического Рока, не замечаются им и ни в каком отношении на счет не ставятся. Однако Егор Егорович Чемоданов не был ни царем, ни героем, а вместе с тем над самим Эдипом не работал Рок с таким упорством и яростью, как над его жизнью. Можно думать, что на эти тридцать лет, пока продолжалась жизнь Чемоданова, Рок бросил все другие свои занятия – так много времени, хлопот и неусыпного внимания посвятил он своему странному избраннику.

Родился Егор Егорович в одном из сибирских городов от неизвестных родителей и был в чемодане подброшен на парадное к купцу Егорову, откуда и получил свою фамилию Чемоданов. И первые годы жизни Егора Егоровича были временем необыкновенного счастья: ни сын знатного вельможи, ни даже принц какого-либо владетельного дома не могли

пользоваться большею любовью и роскошью, нежели он: богатый и бездетный Егоров и его супруга все свое богатство и любовь – к зависти боковых родственников и наследников – предоставили подкидышу. Поили его только сливками, одевали только в шелка и бархаты и звали только Егорушкой, и был он в ту пору толстенький, кругленький и как бы сонный от изобильного питания. Впрочем, этот вид не то засыпающего, не то еще не совсем проснувшегося человека он сохранил на всю жизнь вместе с остальными качествами своими: желтыми, мягкими младенческими волосиками и маленьким ростом. Но приятную толщину утратил и к концу жизни даже болезненно поражал взоры своей тоскливой худобой.

Когда Егорушке исполнилось семь лет, его названные родители оба сразу погибли при крушении на новой, только что открывшейся железной дороге; и, жалея их, никто и не подозревал, что истинным, хотя и невольным, виновником их страшной смерти является именно Егорушка и что эта катастрофа есть лишь первое звено в цепи всяких катастроф и ужасов, какими будет окружена его жизнь. Наследники купца, ненавидевшие Егорушку, немедленно совлекли с него шелка и бархаты и просто-напросто выбросили его на улицу; тут бы он и погиб, если бы не вмешались новые добрые люди: обогрев Егорушку, они устроили его в колонию для малолетних преступников. Преступником он не был и даже порочных наклонностей не имел, но не нашлось другого места,

куда бы его девать, – и таково было веление судьбы. Переход от полного счастья к полному несчастью Егорушка принял с покорностью, которая была отличительным свойством его характера, но отнюдь не умилоствляла жестокую судьбу, а скорее приводила ее в состояние невыносимого раздражения. Его били и морили голодом, его звали Егоркой и воров, на плоском темени его кололи орехи, – а он не только не возмутился и не восстал, а искренно и от души полюбил приют и начальство. О временах же счастья своего забыл совершенно и вплотную, так что даже воспоминания его не мучили. Видя такое его счастье, только возраставшее с годами и привычкой, Рок прибег к крайней и даже ужасной мере: в одну зимнюю ночь здание приюта вспыхнуло и сгорело, причем в огне погибла смотрительница, добрая женщина, и трое малолетних. Но Егорушку добрые люди и в этот раз спасли, а какой-то проезжий прасол, бывший на пожаре, даже пожелал взять Егорку к себе, надеялся, видимо, что подготовка в колонии даст мальчишке и коммерческие способности.

– А дом опять построят? – спросил Егорка, плача.

– Построят, построят, не бойся, – сказал прасол и увез Егорку в Россию, в Самару, не подозревая, каков был тайный смысл вопроса. А дело было в том, что уже тогда Егорка решил при первой возможности бежать обратно в приют, чего вообще никогда не делалось: из приюта бегали многие, но чтобы бежать туда – этого никто не слышал. Видимо, здесь впервые начала проявляться особая Егоркина воля, увлекав-

шая его на путь необыкновенных приключений; но если и тут был бунт, то свершался он во имя покорности: раз меня отдали в приют, то и должен я быть в приюте, – неосновательно рассуждал Чемоданов.

И три раза бегал он в Сибирь. В первые два раза его быстро словили и жестоко избили, но в третий он надолго потерялся среди дорог, глуши и просторов Сибири. Однако и тут не оставляли его опасности и испытания: в лесу его каждый раз преследовал медведь, на дорогах его грабили, в городах и деревнях били за подозрительность. Последнее было уж совсем неосновательно: при всех превратностях своей судьбы Егор Егорович никогда не терял приличного вида и уже с тринадцати лет, не снимая, носил бумажный воротничок, а при счастье и полотняный, крахмальный. Здесь, в добычании воротничка и приличного костюма, он обнаруживал дикую энергию и почти гениальность: голодный, последние три копейки он тратил на воротничок; преследуемый медведем, полумертвый от страха, он с таким расчетом бежал среди кустов, чтобы не порвать и не испортить костюма. Так, вообще, он был честен, но жилеты и воротнички крал всю жизнь, и – странно! – даже не почитал это за грех!

Однако многолетние тяжелые скитания постепенно погасили в Чемоданове его страсть к приюту, и к семнадцати годам мы находим его в Тифлисе младшим телеграфистом на местной железнодорожной станции. Положение высокое, и успехом своим Чемоданов был обязан исключительно костю-

му; и дальнейшие три года его счастья, основанием своим имели все тот же костюм и неизменно чистые воротнички: скромный и лицом невзрачный, он так красноречиво носил свою форму, что это вполне заменяло, самые возвышенные разговоры о цели и смысле жизни; по той же причине и нравственность его стояла вне сомнений. Когда же, подчиняясь обычаю, царящему среди телеграфистов, Егор Егорович завел гитару и в промежуток между поездами и телеграммами искусно наигрывал «Тигренка» – все слова стали излишними, и жизнь утвердилась на прочных основаниях. Любопытно, что о минувших страданиях своих Егор Егорович никогда не вспоминал и даже совсем, кажется, не помнил; о катастрофах же, пожарах, медведях и беглых встречных каторжниках рассказывал коротко и просто как о явлениях заурядных и неизбежных.

Когда Егор Егорович был на двадцать первом уже году и в тысячный раз пел:

Ты мне слезку подари,
И помчусь я с ней в Гренаду
На крылах моей любви! —

одна девица услышала его мольбу и отдала ему свое сердце. Была она девица со средствами, и впереди открывались перспективы. Но вот тут-то и выступил снова притаившийся Рок, лишь собиравший силы для нового страшного удара: девица почти в одночасье скончалась от черной оспы, а

сам Егор Егорович, также заболевший, хоть и поправился, но навсегда утратил красоту лица и перспективы.

Как раз в этом году наступил для Чемоданова призывной возраст, и, еще не вполне оправившийся после болезни, он был зачислен матросом во флот, на один из балтийских крейсеров. Событие, казалось бы, по виду совершенно естественное, но для Чемоданова оно было тягчайшим испытанием, роковой насмешкой и почти медленным убийством: он ненавидел море, боялся его, как ничего другого на свете, и даже во время штиля, когда ликовали природа и матросы, испытывал непрерывную сосущую тошноту. А что делалось с его внутренностями и душой, когда скользящая океанская зыбь невидимой силою своею начинала поигрывать тяжелым кораблем! Тут он впервые серьезно задумался, не лучше ли ему добровольно покончить с своею, столь дорого оплачиваемой жизнью, нежели и впредь подвергаться неустанным преследованиям судьбы. И особенно горько было то, что ни в ком его слабость не вызывала сострадания, а только насмешку, начальство же с нарочитой суровостью посылало его как раз в те места, где опасность и качка были наисильнейшими. Ни аккуратность Чемоданова, ни его абсолютная трезвость и исполнительность не могли смягчить суровых морских сердец и не улучшили его горькой участи.

Так продолжалось два целых года, когда наконец Чемоданов дезертировал.

..... – случилось так, что только

один Чемоданов, спрятавшийся за вагонами, остался на берегу, когда крейсер ушел... один, на африканском берегу, среди черномазой африканской толпы, ни слова не зная ни на каком языке, с единственной трехрублевкой в кармане!

Несомненно, Рок предполагал, и даже был уверен, что при этих условиях ненавистный ему Чемоданов неизбежно погибнет, – но здесь как раз с полной явственностью обнаружилось одно новое обстоятельство: наряду с жестоким Роком за жизнью Чемоданова следили какие-то невидимые добрые силы, которые всякий раз вытаскивали Чемоданова из самой глубокой ямы, куда засаживал его Рок. Очень возможно, что это была только игра между ними: Роком и добрыми силами; но как бы то ни было, он и в Африке уцелел. После самых фантастических скитаний, о которых впоследствии Чемоданов ничего не мог рассказать, как о нелепом и тотчас же забытом сне, он оказался на постоянном жительстве в Каире в качестве сапожного подмастерья у какого-то туземного мастера.

И эти год или полтора, проведенные в Каире, оказались чуть ли не лучшими в жизни Чемоданова. Одно было мучительно – летняя жара, а в остальном он устроился совсем недурно: будучи трезв и неприхотлив, скопил кое-какие деньжонки, вступил в любовную связь с какой-то черномазой госпожой, что было необходимо для его кроткой и чувствительной души, и по праздникам вместе с прочими каирскими гражданами гулял по улицам, блистая белейшими во-

ротничками. Раз даже случилось ему издали посмотреть на пирамиды, но они ему не понравились.

Но может ли счастье быть прочным? Уже начал думать Чемоданов об открытии собственного сапожного заведения, как вдруг, по неизвестной причине, хозяин его, мастер, попал в тюрьму, а вместе с ним и Чемоданов; там их с хозяином били палками, потом отобрали все деньги у Чемоданова и выгнали его на улицу, признав, по-видимому, невинным. Однако, испуганный и чуть живой от побоев, Чемоданов в тот же день бежал из Каира и снова на долгое время затерялся в фантастических скитаниях по земле, меняя материки, имена, профессии и личины, но нигде, подобно гонимому Агасферу, не находя покоя и прочного пристанища.

Между прочим, за это время скитаний своих Чемоданов пережил три железнодорожных крушения, явно свидетельствовавших о том, что жестокий Рок продолжал неусыпно бодрствовать над ним и ни на единую минуту не выпускал его из виду. Но в душе Чемоданова эти страшные крушения ничего не прибавили и лишь укрепили его странный взгляд на вещи, по которому медведи, пожары и катастрофы представлялись ему явлениями самыми обыденными и простыми, неизбежными в жизни каждого человека.

2

Утомленный африканской жарою и ища прохлады, Чемоданов на первом классе парохода зайцем пробрался из Александрии в Неаполь.

В Неаполе Чемоданов первое время голодал и ночевал на пригородных пустырях, тщательно оберегая от порчи и грязи свои неизменные воротнички, потом служил в корсетной мастерской, был проводником на Везувий (недолго) и, наконец, довольно прочно устроился разносчиком: приобрел ящик, кораллов, дрянной мозаики и прочих пустяков, – открыл торговлю. С этим ящиком Чемоданов исходил всю Италию, побыл в Швейцарии, где ему не понравилось, и перебрался во Францию, где ему очень понравилось; по-прежнему говорить он умел только по-русски, а с туземцами объяснялся на диком смешении арабских, грузинских, турецких, итальянских и иных слов, что, однако, вполне удовлетворяло его несложным потребностям в коммерческом и духовном общении.

В общем, это уже становилось похоже на жизнь, тем более приятную, что почти внезапно прекратились всякие преследования со стороны Рока: то ли Чемоданов ему надоел, то ли он забыл его, то ли просто потерял его из виду и не мог найти. Полное спокойствие сопровождало Чемоданова на всех путях его: ни медведей, ни каторжников, ни крушений, – от

невиданного благополучия он слегка пополнил и – странно сказать – даже как будто начал скучать. Его душе, привыкшей к борьбе с Роком, к тяжким испытаниям и громоносным ударам, чего-то словно не хватало, чего-то все искали его беспокойные взоры, непривычные к мирному пейзажу и мирным отношениям с людьми и природой. Начались в душе какие-то томления, какие-то прихоти и капризы, устремления вдаль, – состояния, дотоле Чемоданову совершенно неведомые.

Отсюда можно заключить с полной уверенностью, что Чемоданов был обманут и бездействие Рока было только кажущимся; не имея силы победить Чемоданова в открытом и честном бою, Рок исподтишка забрался в его душу и предательски населил ее опасными чувствами и желаниями. И первым результатом такого предательства явилась у Чемоданова внезапная и острая тоска по Африке, как в детстве когда-то тоска по приюту. Почему так понадобилась ему именно Африка, которую он тысячи раз проклинал за жару и несчастья, он и сам не знал; но чувство было остро и повелительно до полной невозможности противостоять ему. И напрасно предчувствие и старый опыт предостерегали его, чтобы он больше всего боялся моря, – тоска по Африке была сильнее и не поддавалась никаким доводам рассудка.

В ту пору он торговал с своим ящиком на севере Франции. И вот, чертя по карте ломаную линию от севера к югу, слегка упираясь и в то же время неуклонно подвигаясь вперед,

точно ведомый на какой-то все укорачивающейся веревке, Чемоданов в одно роковое утро вступил в Марсель, и здесь – за деньги – сел на огромный пароход, отходивший в Алжир.

О страшной участи этого парохода в свое время с ужасом говорила вся Европа: в сильную бурю сбившийся с пути, ночью он разбился о скалы острова Майорки; и из нескольких сот пассажиров, молодых, красивых, умных и богатых, сановных и счастливых, спасся только один, шальной волною выброшенный на единственную маленькую полоску песка, затерявшуюся среди скал. Конечно, этим избранником был Егор Егорович Чемоданов. Если, однако, и это крушение, погубившее столько людей, было создано все тем же Роком и имело в виду только Чемоданова, то нужно заметить, что Чемоданов в конце концов слишком дорого обошелся человечеству, тем более что и цель-то не была достигнута. Впрочем, ящик с товарами и все остальное имущество Чемоданова погибло вместе с пароходом.

Это спасение одного из всех было настолько удивительно и поражало воображение, что на некоторое время спасшийся Чемоданов стал героем дня и сенсационной знаменитостью. Вместе с крушением в нем сразу и навсегда погасла странная любовь к Африке, и когда на собранные между местными жителями и журналистами деньги его отправили обратно в Париж, он этому охотно подчинился; охотно подчинялся он всяким расспросам и интервью, которыми его осаждали по дороге, но гордости никакой не чувствовал и любопыт-

ства не понимал: все происшедшее казалось ему обыкновенным, неизбежным, бывающим в жизни каждого человека. А интервьюеры и любопытные после часовой беседы отходили от него с чувством странного недоумения, оглядывались на него, и все им казалось, что чего-то главного они так у него и не спросили. В чем дело?

В Париже за хорошее вознаграждение он был выставлен для обозрения в редакции одной из сенсационных газет как «самый счастливый человек в мире». Здесь его маленькую головку с плоским теменем, рябое лицо и кроткие глаза осматривали художники и мыслители, жирные мещане и суровые рабочие; раз пришел даже американский миллиардер с сигарой, дочерью и двумя секретарями. Но сколько ни рассматривали, ничего понять не могли ни миллиардер, ни мыслители, и, уходя, все оглядывались назад, на маленькую головку, кроткие глазки и ненужные высокие, белые, слишком широкие для тонкой шеи крахмальные воротнички... Самый счастливый человек в мире!

И снова пошел на хитрости и предательство неумолимый Рок, пока невидимые добрые силы всеми способами старались удержать Чемоданова во Франции. Денег, заработанных выставкой, ему вполне хватило бы для жизни и новой торговли, но в душе Чемоданова, пока его осматривали, зародилась новая беспокойная мысль, убийственная по своим последствиям. «У всех людей есть мать, должна же она быть и у меня!» – подумал он с некоторой тоскою и чувством

оскорбленного как бы самолюбия. И, разгораясь все больше, не смущаясь явно невозможностью найти мать, которой он никогда не видал и о которой раньше и не думал, он начал чертить по карте новую ломаную линию: от Запада к Востоку, до самой Сибири, где им предполагалось местонахождение неизвестной матери.

Как дезертир, он много рисковал; но в России и в эти годы совершалась революция, – большой беспорядок, как ее определял Чемоданов, – и это облегчало задачу: казалось нетрудным скрыться и уйти от опасных глаз такой песчинке, как он, в то время, когда вся жизнь и люди были возмущены до дна. Самую революцию Чемоданов не понимал и не любил, ища во всем тишины и порядка, и в общем смотрел на нее приблизительно так, как путник смотрит на дурную погоду: с покорным неудовольствием. На русской границе его обобрали и обманули контрабандисты: вместо того чтобы безопасно перевести, бросили его ночью где-то во рву, где он чуть не был застрелен кордонными стражниками. Три раза стрелял верховой стражник в темноту канавы, где ему что-то почудилось, и в двух местах прострелил пальто у Чемоданова; потом Чемоданов сам каким-то чудом выбрался на дорогу и, полумертвый от страха, голодный, поплелся в глубину России. Эта страшная ночь во рву была для него началом новых фантастических скитаний, столь темных и жестоких, что словно уже ни разу с той поры не всходило солнце над его головою. Шальные пули, преследования по кры-

шам и через заборы, сыщики, преследующие, как сон, сурово возбужденная толпа, уносящая его с собою неведомо куда и зачем, страшные казаки, темные и странные подполья – и лишь мгновения случайного отдыха, когда он в Москве на две недели устроился приказчиком в одном магазине. Но только что успел он сходить к Иверской помолиться, как разразилось восстание, и снова длинная ночь бесконечного страха, дрожи всем телом, полной душевной потрясенности.

Но как ни странно это: среди всех ужасов и несчастий мысль о матери не оставляла Чемоданова и медленно, но неуклонно, подвигала его к далекой Сибири; в эти тяжелые дни его можно было назвать даже романтиком, настолько мечта владела всей его душою. И еще более странно: как только оказался он в Сибири, на месте рождения своего, эта настойчивая мысль внезапно погасла, точно не в душе она родилась, а была только тем блуждающим, обманчивым огоньком, который заводит путника в трясины и, заведя, гаснет.

Ибо тут, в Сибири, Чемоданова повесили, и жизнь его пресеклась на тридцатом году от рождения. И причиной и поводом для казни послужило, как и следовало ожидать, совершенно нелепое обстоятельство: добытый Чемодановым в Москве паспорт оказался принадлежавшим известному полиции политическому; конечно, в другое время это недоразумение разъяснилось бы, но тогда шла такая спешка, что было не до разбора и щепетильных расследований.

Так Чемоданова и повесили – Егора Егоровича Чемоданова. И так как не было у него ни друзей, ни родных и дел значительных он не совершал, то вместе со смертью исчезла и всякая память о нем, как будто и никогда он не жил на земле.

Да и жил ли он когда-нибудь? Может быть, и жил... а может быть, все это только приснилось суровому и мрачному Року в одно из мгновений его забвения. А когда проснулся он и открыл свои жестокие, пытующие глаза, уже не было на земле никакого Чемоданова, и только цари и герои выжидающие стояли, готовясь к трагической борьбе.

Цари и герои!